

Вожделение вслепую (сборник)

Автор:

[Рэй Брэдбери](#)

Вожделение вслепую

Рэй Дуглас Брэдбери

Интеллектуальный бестселлер

Устройство для уничтожения мусора обнаруживает незаурядный аппетит...

Торговец новенькими «студебекерами» скрывает лицо под черным капюшоном...

Киностудию маскируют под авиазавод, а авиазавод – под киностудию в ожидании истошного крика «Банзай!»...

Об этом и многом другом – в сборнике рассказов выдающегося мастера чудес и романтики Рэя Брэдбери.

Рэй Брэдбери

Вожделение вслепую

С безграничной любовью – моим ранним внукам Джулии, Клэр, Джорджии и Мэллори.

А также моим поздним внукам Дэниелу, Кейси-Рэю, Сэмюелу и Теодору.

Живите вечно!

Ночной поезд на Вавилон

Скорый поезд, раскачиваясь и подрагивая как пьяный, уносил Джеймса Крузо из Чикаго; проводник заглянул в бар, подмигнул ему и, шатаясь из стороны в сторону, побрел дальше. Джеймс Крузо прислушивался.

Шум, гам, крики.

Как бараны, подумал он, их стригут, а они блеют. Или как парашютисты, что сигают в пропасть без парашюта.

Он прищурился.

У стойки бара, взволнованные слепым предвкушением удачи, сгрудились пассажиры, так и напрашивающиеся, чтобы их обчистили, готовые по доброй воле лишиться хоть денег, хоть головы.

Попросту говоря, любители азартной игры.

Вот именно – любители, подумал Крузо и, встав из-за стола, нетвердым шагом двинулся вдоль стойки, чтобы заглянуть через плечо каждому из бизнесменов, которые вели себя как школяры, высыпавшие на большую перемену.

– Смотрите в оба! Открываем даму. Закрываем. Раз-два-три! Показывайте, где дама?

– Вот она! – раздался одинокий голос.

– Тьфу ты! – вскричал сдающий. – Последнюю сорочку проиграл! А ну, еще разок! Открыли, закрыли! Которая здесь дама?

Он даст им возможность, подумал Крузо, выиграть ровно два раза. А потом захлопнет ловушку.

– Вот она! – закричали все хором.

– Ну что ты скажешь! – воскликнул все тот же невидимый игрок. – Совсем меня раздели!

Крузо не мог удержаться, чтобы не посмотреть на этого разбитного шута.

Привстав на цыпочки, он развел в стороны чьи-то вздрагивающие плечи, ожидая неизвестно чего.

У человека, сидевшего за стойкой, не было ни кустистых бровей, ни напыленных усов. Из ноздрей и ушей не торчали пучки черных волос. Кости черепа не бугрились под кожей. Неброский светлосерый костюм; завязанный аккуратным узлом темно-серый галстук. Ногти – пусть неухоженные, но чистые. Подумать только! Скромный обыватель, невозмутимый, словно проигрывает не в карты, а в детское лото.

Все ясно, думал Крузо, пока шулер не торопясь тасовал колоду. Эта тщательность выдавала в нем беса, нацепившего маску ангела. Под костюмом-тройкой прятался бледный призрак торговца мануфактурой.

– Остерегитесь, уважаемые! – Карты порхали у него в ладонях. – Не профукайте денежки!

Зрители, раззадорившись, приготовились бросать деньги в адский костер.

– Осади назад! Два четвертака – ставка высока!

Карты так и летали, словно сами по себе, а он обводил взглядом собравшихся, не обращая никакого внимания на колоду.

– Палец большой, где брат твой старшой? Что ж он невесел, головку-то повесил?

Все захохотали. Ну и шутник!

– Запутались, приятели? Растерялись? Неужели я и на этот раз пролечу?

– Да, да! – загалдела толпа.

- Черт! - Он заломил руки. - Черт! Где же красная дама? Давайте сначала!

- Нет, ни за что! Вот она, посредине! Открывай!

Карта перевернулась.

- Вот так штука! - вырвалось у кого-то.

- Боюсь смотреть. - Шулер сидел зажмурившись. - Сколько я просадил?

- Нисколько, - донесся шепот.

- Нисколько? - вытаращился картежник.

Все взоры были устремлены на черную карту.

- Слава богу, - пробубнил игрок. - Я-то думал, вы меня обобрали до нитки!

Его пальцы поползли вправо и открыли еще одну черную карту, потом двинулись влево. Дама!

- Дьявольщина! - выдохнул он. - Как она здесь оказалась? Слушайте, ребята, заберите свои деньги!

- Нет! Нет! - Каждый из проигравших отрицательно мотал головой. - С какой стати? Так уж вышло. Это просто...

- Ну ладно, раз вы настаиваете! Только больше не рискуйте!

Крузо закрыл глаза. Вот и все, подумал он. С этого момента остальные будут только проигрывать, делать ставки и снова проигрывать. Они вошли в раж.

- Вы уж простите, господа. Удачи вам! Ну-ка!

Крузо непроизвольно сжал кулаки. Сейчас ему было двенадцать лет, над верхней губой топорщились приклеенные усы, кругом толпились собравшиеся на его день рождения одноклассники, а он раскидывал «три листика». Смотрите, объявлял он, сейчас красная дама исчезнет! Мальчишки смеялись и галдели, а его руки так и мелькали, сгребая выигранные конфеты и тут же раздавая их обратно – по дружбе.

– Раз-два-три, не зевай, смотри!

Губы молча шептали забытую прибаутку, но голос был не его, голос принадлежал мошеннику, который облегал чужие бумажники и пересчитывал деньги под ночной стук колес.

– Опять продули? Ребята, завязывайте, а то жены вас убьют! Ну, так и быть. Туз пик, трефовый король, красная дама. Больше вы ее не увидите!

– Как бы не так! Вот же она!

Крузо отвернулся, заклиная себя: не прислушивайся! Сядь за стол! Выпей! Забудь тот день рождения, забудь своих одноклассников. Да побыстрее!

Он успел сделать только один шаг.

– Вы, ребята, и так три раза кряду продули. Пора мне сматывать удочки, да и...

– Нет уж! Мы хотим отыгаться, черт побери. Сдавай!

Крузо резко развернулся, как от удара, и оказался среди общего безумия.

– Дама всегда лежит слева, – не удержался он.

Все головы повернулись в его сторону.

– Она все время была на одном и том же месте. – Крузо повысил голос.

– А вы кто такой, сэр? – Не глядя в его сторону, шулер сгребал карты.

- Лучший фокусник в классе.

- Это серьезно: лучший фокусник в классе! - Игрок перехлестывал карты.

Зрители расступились.

- Я умею раскидывать «три листика», - вырвалось у Крузо.

- Поздравляю.

- Не стану вам мешать. Я только хотел, чтобы ни о чем не подозревающие люди...

Ни о чем не подозревающие люди начали тихо роптать.

- ...поняли, что в «три листика» можно обыграть кого угодно.

По-прежнему глядя куда-то вбок, шулер подбросил колоду на ладони.

- Ах, так? Ну что ж, умник, сдавай! Господа, делайте ставки. В игру вступает юниор. Следите за его руками.

Крузо похолодел. Карты лежали на стойке.

- Не робей, сынок. Бери колоду!

- У меня не всегда выходит, но я знаю, как это делается.

- Ха! - победно огляделся шулер. - Все слышали? Знаю, говорит, только не умею! Так, что ли?

У Крузо в горле застрял комок.

- Да, так. Но...

– Никаких «но»! Смотрите все! Сейчас безногий побежит кросс! Безрукий станет биться врукопашную! Милостивые господа, не желаете ли сменить лошадей... – он посмотрел в окно: за стеклом мелькали огни, – на полпути в Цинциннати?

Милостивые господа, уничтожая Крузо взглядами, бурчали что-то невразумительное.

– Сдавай! Покажи, как умеешь обирать бедных.

Крузо отдернул руки от колоды, как от раскаленного бруска.

– Стесняешься при мне разводить лохов на деньги? – спросил шулер.

Не в бровь, а в глаз! Заслышав эти нелестные для себя слова, лохи дружно загудели.

– Неужели вы не понимаете, к чему идет дело? – сказал Крузо.

– Мы-то все понимаем! – раздался гомон толпы. – Раз на раз не приходится. Тут выиграл, там проиграл. Иди-ка ты, откуда пришел.

Крузо видел, как тьма уносится в прошлое, а города растворяются в ночи.

– В чем вы меня обвиняете, сэра, да еще при свидетелях? – вопрошал Добропорядочный Игрок. – Может, я насильник? Или похабник?

– Нет, – ответил Крузо, перекрывая общий ропот. – Вы всего-навсего мошенник! – И шепотом добавил: – Передергиваете карты.

Картежник весь подался вперед под негодующие выкрики, град оскорблений и всплески ярости.

– Уж не хотите ли вы сказать, любезный, что колода крапленая? Меченая? Клейменная?

– На картах нет ни крапа, ни меток, ни клейм, – сказал Крузо. – Все, что требуется, – это ловкость рук, пресидижитация.

Силы небесные! Можно было подумать, он сказал «проституция»!

Джеймса Крузо сверлили шесть пар глаз.

Он неловко взял в руки колоду:

– Карты не крапленые. Но вашими пальцами управляют не запястья, не локти; и вообще, всем управляет...

– Договаривай, любезный.

– Сердце, – в отчаянии закончил Крузо.

Шулер ухмыльнулся:

– Ну, это ты хватил! Тут тебе не любовное свидание над Ниагарским водопадом.

– Вот именно! – закричали со всех сторон.

Чужие лица окружили его стеной.

– Извините, – сказал Крузо, – я сегодня очень устал.

Помимо своей воли он развернулся и, раскачиваясь, как пьяный, вместе с поездом – слева направо, слева направо, – выбрался в коридор. При его появлении проводник начал сосредоточенно компостировать какой-то старый билет, роняя на пол снежинки конфетти.

– Сэр, можно вас на минуту? – позвал Крузо.

Проводник заинтересовался ночным видом из окна.

– Сэр, – повторил Крузо. – Взгляните вот туда.

С большой неохотой проводник устремил взор в сторону горстки пассажиров, которые по-прежнему галдели, окружив шулера, а тот внушал им надежду – и тут же исподтишка бил наотмашь.

– Развлекаются люди, – изрек проводник.

– Да нет же, сэр! Этих людей бессовестно обманывают, стригут, обируют...

– Беспокойства от них никакого, – не дослушал проводник – Может, они справляют день рождения.

Крузо метнул быстрый взгляд в ту же сторону.

Там сбилось стадо буйволов, которые роптали на судьбу и жаждали попасть под ножницы стригалю.

– Чего изволите? – спросил проводник.

– Этого жулика надо вышвырнуть с поезда! Разве вы не видите, чем он занимается? Да ведь его дешевые трюки описаны даже в детских книжках!

Проводник наклонился к Джеймсу Крузо, чтобы проверить, не пахнет ли от него спиртным.

– Вы с ним знакомы, сэр? А его компания – ваши друзья-приятели?

– Нет, я просто... – выдохнул Крузо и тут же осекся. – Ах вот в чем дело! Как же до меня раньше не дошло! – Он вгляделся в непроницаемую физиономию проводника. – Эх, вы! – начал он, но продолжать не стал.

Вы с ним в сговоре, подумал он. На конечной станции разделите барыши!

– Погодите-ка, – сказал проводник.

Он вытащил из кармана маленькую черную книжечку и, пошлювив палец, начал ее листать.

- Так-так, - сказал он. - Названия-то какие, сплошь библейско-египетские. Мемфис, штат Теннесси. Каир, штат Иллинойс. О! Следующая остановка и того чище будет. Вавилон!

- Там вы собираетесь высадить этого картежника?

- Нет. Кое-кого другого.

- Вы не посмеете.

- Это почему же? - удивился проводник.

Крузо отвернулся и побрел прочь.

- Болван, идиот, - шептал он. - Когда ты научишься держать язык за зубами, кретин!

- Эй, господа, глядите сюда! - раззадорился шулер. - А мы ее вот так! Прыг-скок-кувырок! Вот это да! Ну и беда!

- Черт, проклятье, зараза, - раздалось вокруг.

- Что вы из себя строите? - вырвалось у Крузо.

- Хороший вопрос! - Картежник выпрямился, предоставив волчьей стае пялиться в карты. - Угадай, где я буду завтра?

- В Южной Америке, - ответил Крузо. - Субсидировать какого-нибудь марионеточного диктатора.

- Неплохо, - кивнул шулер. - Следующая попытка.

- Или в карликовом европейском государстве, где маньяк-правитель держит при себе такого вот шамана, который перекачивает для него деньги в швейцарский банк.

– Да ты, юноша, поэт! У меня при себе есть письмо от Кастро. – Рука шулера легла на сердце. – И от Ботлеса, и еще от Манделы из Южной Африки. Выбирай – не хочу. Итак. – Он посмотрел в окно, за которым бушевала гроза. – Укажи любой карман, по своему выбору: правый, левый, наружный, внутренний. – Картежник провел рукой по пиджаку.

– Правый, – сказал Крузо.

Игрок опустил руку в правый карман пиджака, извлек запечатанную колоду карт и подбросил ее на ладони.

– Вскрывай. Отлично. Можно потасовать, проверить. Что-то не так?

– Ну...

– Дай сюда. – Он забрал колоду. – Следующий кон сыграем другой колодой, по твоему выбору.

Крузо покачал головой:

– Фокус не в этом. Все зависит от того, как сдать и как открыть. Колода не играет роли.

– На твой выбор.

Крузо выбрал две десятки и красную даму.

– Порядок! – Карты легли одна поверх другой. – Где дама?

– В середине.

Шулер перевернул карту и расплылся в улыбке:

– А ты шустрый!

– Вы шустрее. В том-то вся и штука, – сказал Крузо.

– Гляди: здесь целый ворох десятков, так? Это ставки, которые только что сделали присутствующие здесь господа. Ты нам мешаешь. Хочешь сыграть – милости просим, не хочешь – тогда не встречай.

– Я не буду встречать.

– Ну, так и быть. Поехали! Вот она, голубушка. Дама тут, дама там, дама нам, дама вам. Заблудилась! Где она? Решили идти ва-банк, ребята? Кто будет тянуть? Все согласны?

Яростный шепот.

– Все, – откликнулся кто-то один.

– Нет, не все! – произнес Крузо.

Воздух содрогнулся от десятка проклятий.

– Эй, умник, – сказал шулер с ледяным спокойствием. – Не создавай помехи, а то люди могут потерять все, что у них есть!

– Мои помехи тут ни при чем, – сказал Крузо. – Карты-то в ваших руках.

Издевки. Брань.

– Давай дальше! Не тяни, черт побери!

– Как скажете. – Все еще придерживая три карты своими чистыми пальцами, шулер провожал глазами грозу. – Ты все испортил. Сбил их с толку. Ты, и никто другой, нарушил равновесие, ауру, оболочку игры. Не обессудь, если мои друзья вышвырнут тебя из поезда, когда я открою карту.

– Они этого не сделают, – сказал Крузо.

Карта открылась.

Поезд с ревом тянулся сквозь потоки дождя и вспышки молний. Перед тем как захлопнуть дверь вагона, картежник подбросил сложенные веером карты в грозовой воздух. Листки вспорхнули, словно раненые голуби, и тут же облепили грудь и лицо Джеймса Крузо.

Вагон бизнес-класса, грохоча колесами, поплыл мимо; к окнам прижалось с десяток разъяренных лиц, кулаки молотили по стеклу.

Чемодан несколько раз перекувырнулся и замер.

Огни поезда скрылись из виду.

Крузо долго выжидал, а потом медленно наклонился, чтобы собрать карты. Пятьдесят две. Одну за другой.

Червонная дама. Еще одна. Снова червонная дама. И еще.

Опять дама...

Дама.

Сверкнула молния. Попади она прямо в него – он бы не почувствовал.

Шкура неубитого льва

– Ни фиги себе! Эксель-моксель, мать божья! – воскликнул Джерри Вулд.

– Вот этого не надо! – Его секретарша прекратила стучать по клавишам, чтобы подчистить опечатку в тексте сценария. – Я, между прочим, выросла в христианской семье.

– А я вырос на улицах Нью-Йорка, в Бронксе, – сказал Вулд, глядя в окно. – Да ты разуй глаза – смотри, что делается!

Секретарша подняла голову и увидела за окном то, что видел он.

- Перекрашивают студию в другой цвет. Это вроде бы первый павильон?

- Точно. Первый павильон, где мы в тридцать четвертом построили «Баунти» и дворец Марии Антуанетты, а в тридцать девятом – интерьеры Тары[1 - Первый павильон, где мы в тридцать четвертом построили «Баунти» и дворец Марии Антуанетты, а в тридцать девятом – интерьеры Тары. – Имеются в виду историческая драма «Мятежна „Баунти“» (1935) Ф. Ллойда по роману Ч. Нордхоффа и снимавшийся несколько лет блокбастер «Мария Антуанетта» (1938) У. С. Вандейка с Нормой Ширер в главной роли. Тара – поместье, где родилась Скарлетт О'Хара, героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром», экранизированного в 1939 г.]. Подумать только, что они вытворяют!

- Вроде даже номер хотят поменять.

- Если бы поменять! Они его просто закрашивают, черт их раздери! Первого номера больше нет. Ты глянь, в переулке топчутся работяги с пластиковыми трафаретами – прикидывают, не маловата ли будет надпись.

Выйдя из-за письменного стола, секретарша сняла очки, чтобы лучше видеть вдаль.

- Как странно – «ХЫ». Что еще за «ХЫ»?

- погоди, они не закончили. Видишь? Из палочки делают «Ю», так, что ли?

- Верно, получается «Ю». Спорим, я могу назвать все слово. «ХЬЮЗ»! Смотри-ка, что у них лежит на земле: длинный трафарет с буквами помельче. «Авиатехника»?

- Авиационный завод Хьюза[2 - Хьюз, Говард (1905–1976) – крупный американский промышленник, авиатор и кинопродюсер. Был известен своими экстравагантными выходками, любовными похождениями и пренебрежением к светскому этикету. С 1926 г. жил в Голливуде. В 1948 г. приобрел контрольный пакет акций киностудии «РКО», а в 1954–1955 гг. был ее владельцем. С 1950 г. вел затворнический образ жизни в номере люкс одного из отелей Лас-Вегаса.],

мать честная!

– С каких это пор мы выпускаем самолеты? Конечно, время сейчас военное, но все же...

– Какие, к дьяволу, самолеты? – вскричал, отвернувшись от окна, Джерри Вулд.

– Ага, значит, снимаем эпизоды воздушных боев?

– Какие, к чертям собачьим, воздушные бои?

– Ничего не понимаю...

– А ты нацепи очки да погляди. Думай головой! С чего бы эти прохвосты стали замазывать номер и выводить новое название, а? С какой радости? Мы не снимаем кино про авианосцы, не занимаемся сборкой истребителей «пэ-тридцать восемь», не выпускаем... Проклятье! Нет, ты глянь!

В полуденном калифорнийском небе, прямо над крышей павильона, маячила какая-то тень.

Секретарша приложила ладонь козырьком.

– Ой, кажется, я с ума схожу, – вырвалось у нее.

– Не ты одна. Что теперь скажешь?

Она снова прищурилась.

– Воздушный шар? Аэростат заграждения?

– Вот именно! Наконец-то дошло!

Закрыв рот, секретарша внимательно рассмотрела серое воздушное чудовище и опустила на стул.

- По какому адресу отсылать письмо? - спросила она.

Джерри Вулд обернулся к ней со зверским выражением лица.

- Да пропади оно пропадом, это письмо - тут весь мир летит в тартарары! Ты что, не понимаешь, чем тут пахнет? Не понимаешь, что все это значит? Спрашиваю тебя: с чего бы «МГМ»[3 - «МГМ» — киностудия «Метро-Голдвин-Майер», расцвет которой пришелся на 1930-1940 гг.] стала прятаться за аэростатом? А вот, кстати, и второй прилетел! Парочкой ходят!

- Действительно, с чего бы это? Военных объектов здесь нет, бомбить с воздуха нечего. - Отпечатав еще несколько писем, она вдруг замерла и рассмеялась. - Что-то я сегодня туго соображаю! Мы сами и есть военный объект!

Она опять встала из-за стола и подошла к окну: трафарет был закреплен на стене первого павильона, и рабочие уже начали распылять краску из баллонов.

- Так и есть, - негромко сказала она. - Концерн «Хьюз». Авиатехника. Когда, интересно, новый владелец собирается сюда переезжать?

- Кто? Самодур Говард? Чудила Гоуи? Долбаный миллиардер Хьюз?

- Ну, можно и так сказать.

- Никуда он не собирается переезжать - прилип задницей к своему креслу и затихарился в трех милях отсюда. Сама посуди. Пораскинь мозгами. «МГМ» стоит в двух милях от тихоокеанского побережья, в двух кварталах от того места, где Лорел и Гарди[4 - Лорел, Стэн, и Гарди, Оливер (Олли) - псевдонимы популярнейших американских актеров-комиков Артура Стэнли Джефферсона (1890-1965) и Норвелла Гарди (1892-1957). (См. также «Не узнали?») в двадцать восьмом лавировали среди трамваев на своей колымаге. А в трех милях к северу от нас, но тоже в двух милях от океанского побережья, стоит...

Он умолк, предоставив ей догадаться.

- Авиационный завод Хьюза?

Закрыв глаза, он прижался горячим лбом к прохладному оконному стеклу.

- Умница, скушай конфетку.

- Ох, умру сейчас, - выдохнула она с облегчением.

- Не ты одна.

- Тот, кто перекрашивает здание и замазывает номер павильона, просто решил подстраховаться на случай воздушного налета или атаки подводных лодок со стороны Калвер-Сити[5 - Калвер-Сити — город, примыкающий к Голливуду.]: пусть, мол, япошки думают, будто Кларк Гейбл[6 - Кларк Гейбл (1901-1960) - знаменитый американский актер, эталон мужественности и романтизма. Наиболее известные роли - Ретт Батлер в «Унесенных ветром» и лейтенант Флетчер Кристиан в «Мятеже на „Баунти“» (см. выше).] и Спенсер Трейси[7 - Спенсер Трейси (1900-1967) - знаменитый американский актер; поначалу играл преимущественно гангстеров - до главной роли в первом американском фильме Фрица Ланга «Ярость» (1936). Дважды лауреат «Оскара» за роли в фильмах «Отважные капитаны» (1937) и «Город мальчиков» (1938).] прыгают перед камерой в трех милях к северу, там, где на самом деле стоит авиационный завод Хьюза, а в это время у нас, на «МГМ», круглые сутки в поте лица собирают истребители!

Джерри Вулд, открыв глаза, стал разглядывать неопровержимые доказательства этой версии.

- Надо сказать, павильон действительно похож на ангар. Или ангар похож на павильон. Развешивай вывески на свой вкус - и добро пожаловать, японский друг. Банзай!

- Потрясающе! - воскликнула секретарша.

- Ты уволена, - сказал он.

- Что?

- Печатай письмо, я продиктую.

- Опять письмо?

- Мистеру Сиду Голдфарбу.

- Да ведь он сидит выше этажом.

- Ты не рассуждай, а печатай. Голдфарбу, Сиднею. Уважаемый Сид. Нет, зачеркни. Просто «Сид». У меня нет слов. Что, черт возьми, происходит? В восемь утра прихожу к себе в кабинет, который до сих пор находился в стенах студии «МГМ». Около двенадцати спускаюсь в столовую - а там Хьюз тискает официанток. Кто додумался пустить его к нам?

- Вот именно, хотелось бы знать, - поддакнула секретарша.

- Ты уволена, - бросил Джерри Вулд.

- Диктуй дальше, - сказала секретарша.

- Уважаемый Сид. На чем я остановился? Ага, вот. Сид, почему нас не поставили в известность, когда планировался этот камуфляж? Помните старый розыгрыш? Нас всех отправили в дозор, объяснив, что по бульвару Калвер вот-вот поплывут айсберги, велели приходить с семьями, с братьями-сестрами - с родными и двоюродными. Сегодня этот гнусный айсберг уже здесь. На нем теннисные туфли и авиаторская кожанка; под усами прячется похотливая усмешка. Сидней, я отдал студии двенадцать лет и отказываюсь понимать... э-э-э... черт, закончи там как-нибудь. «С уважением». Нет, «с уважением» не надо. «С возмущением». Именно так: «с возмущением». Давай сюда, я подпишу.

Выхватив письмо из машинки, он занес авторучку.

- Отнеси наверх и швырни ему через порог.

- За такое письмо убить могут.

- Лучше быть убитым, чем уволенным.

Она не двигалась с места.

- Ну, в чем дело?

- Жду, пока ты остынешь. Скорее всего, через полчаса тебе захочется порвать это письмо на мелкие клочки.

- Я не остыну и не захочу порвать письмо. Ступай.

Но секретарша сидела в той же позе и в упор смотрела на Джерри Вулда, пока к нему не вернулся обычный цвет лица, а в углах рта не разгладились жесткие складки. После этого она спокойно сложила письмо и разорвала его раз, другой, третий, четвертый. Обрывки полетели в корзину для бумаг.

- Сколько раз за сегодняшний день я тебя уволил?

- Всего ничего - трижды.

- Еще один раз - и можешь подыскивать себе место. Соедини-ка меня с заводом Хьюза.

- Я все думаю: когда же до тебя...

- Ты не думай, а звони.

Она полистала телефонный справочник, подчеркнула нужный номер и подняла глаза:

- Кто конкретно тебе нужен?

- Господин миллиардер в теннисных туфлях и авиаторской кожанке.

- Неужели ты полагаешь, что он сам отвечает на звонки?

- А ты расстарайся.

Секретарша расстаралась: пока он стоял у окна и грыз ноготь, наблюдая за ходом работ, она вела какие-то переговоры.

– Убиться можно, – недоуменно сказала она через пару минут, прикрыв трубку ладонью. – Он у аппарата! Собственной персоной!

– Нашла время шутить! – огрызнулся Джерри Вулд.

Пожав плечами, она подвинула к нему телефон.

Он схватил трубку.

– Алло, кто говорит? Как вы сказали? О, добрый день, Говард, то есть мистер Хьюз. Конечно. Вас беспокоит студия «МГМ». Кто я такой? Вулд. Джерри Вулд. Что-что? Вы и так расслышали? Вы смотрели «Возвращение на Бродвей»? И «Годы славы». Ах да, ведь вы стояли во главе студии «РКО», верно? Конечно, конечно. Видите ли, мистер Хьюз, у нас возникла небольшая проблема. Постараюсь изложить коротко и ясно.

Он умолк и подмигнул секретарше.

Та подмигнула ему в ответ. Голос на другом конце провода звучал ровно и вежливо.

– Неужели? – переспросил Джерри Вулд. – У вас тоже происходят перемены? Тогда вы догадываетесь о причине моего звонка, сэр. На стене первого павильона нашей студии появилась надпись «Хьюз», а теперь рабочие заканчивают слово «авиатехника». Вас это радует? Да, смотрится великолепно. Я хотел спросить, Говард... мистер Хьюз: не могли бы вы сделать мне маленькое одолжение?

Говорите какое, невозмутимо произнес далекий голос.

– Мне вот что пришло в голову: на страже наших границ теперь не стоит Пол Ревир[8 - ...на страже наших границ теперь не стоит Пол Ревир... – Пол Ревир(1735–1818) – легендарный герой американской Войны за независимость; увидел выдвижение английских войск и вовремя об этом предупредил

американцев, проскакав из Чарлстауна в Лексингтон. Ему посвящено стихотворение Г. Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».], и если сюда по воздуху или по морю нагрянут японцы, они увидят эти огромные буквы, что появились прямо у меня под окном, и забросают нашу студию бомбами, приняв ее за военный завод – собственность концерна «Хьюз». Блестящий ход, сэр, просто блестящий. Что-что? Всем ли на студии пришлось по нраву эта затея? Не могу сказать, чтобы сотрудники пустились в пляс от радости, но все оценили ваш потрясающий замысел. Итак, позвольте изложить суть вопроса. У меня сейчас дел невпроворот. Шесть картин в производстве, две – уже в монтажной, еще три вот-вот будут запущены. Мне позарез нужны нормальные условия для работы, вы согласны? Вот именно. Да. Совершенно верно. Понимаю, понимаю, в одном из ваших ангаров есть тихий уголок, где можно... Вы буквально читаете мои мысли. Как вы сказали? Да-да, сразу после обеда моя секретарша отнесет туда несколько папок. У вас есть пишущая машинка? Значит, свою можно не брать. Ей-богу, Го... мистер Хьюз, вы просто чудо. Тогда услуга за услугу: не желаете ли переехать в мой кабинет? Шучу, шучу. О'кей. Спасибо. Благодарю вас. Хорошо. Она уже идет к вам.

С этими словами он повесил трубку.

Секретарша испытующе смотрела на него, но не двигалась с места. Он отвернулся, чтобы избежать ее взгляда. Его лицо медленно заливалось краской.

– Ты уволен, – сказала она.

– Не гони волну, – сказал он.

Поднявшись со стула, секретарша собрала кое-какие бумаги, выудила из сумки косметичку и тщательно подкрасила губы. В дверях она остановилась.

– Вызови Ральфа и Джоуи, пусть захватят все материалы с верхней полки, – сказала она. – В первую очередь. Ну, ты готов?

– Одну минуту, – сказал он, не отходя от окна и все так же избегая встречаться с ней взглядом.

– А вдруг япошки обо всем догадаются и начнут бомбить настоящий завод Хьюза вместо камуфляжного?

– Иногда, – со вздохом выговорил Джерри Вулд, – не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Может, оставить записку Голдфарбу – вдруг он будет нас искать?

– Никаких записок. Позвонишь по телефону. Чтобы не оставлять улики.

Снаружи замаячила тень.

– Ага, – тихо сказал он. – Еще один. Уже третий аэростат.

– Как удивительно, – сказала секретарша. – Он похож на одного продюсера, у которого я когда-то работала.

– Ты уво...

Но она уже ушла. Дверь захлопнулась.

Привет, я ухожу

В дверь тихонько постучали. Когда Стив Ральфс вышел на порог, перед ним стоял Генри Гроссбок, ростом в пять футов и один дюйм, безупречно одетый, невозмутимый, очень бледный.

– Генри! – задохнулся Стив Ральфс.

– Почему такой тон? – упрекнул Генри Гроссбок. – Чем я провинился? И вообще, что у меня за вид? Куда я направляюсь?

– Входи, входи, тебя могут увидеть!

– Ну и что из этого?

– Да не стой же ты столбом, ради всего святого. Хватит пререкаться.

– Ладно уж, зайду, тем более что у меня к тебе есть разговор. Посторонись-ка. Ну вот, я вошел.

Стив Ральфс попятился в комнату и указал на кресло.

– Располагайся.

– Похоже, мне здесь не слишком рады. – Генри опустился в кресло. – Не найдется ли в этом доме чего-нибудь горячительного?

– Я как раз хотел предложить. – Стив Ральфс бросился в кухню и через минуту вернулся с подносом, на котором стояли два стакана, ведро со льдом и бутылка. Когда он разливал шотландское виски, у него заметно дрожали руки.

– Тебя трясет, – сказал Генри Гроссбок. – В чем дело?

– А то ты не знаешь! Догадайся сам. Вот, держи.

Генри взял стакан.

– Куда столько?

– Тебе не повредит. Пей.

Они выпили, и Генри внимательно осмотрел рукава и лацканы своего пиджака.

– Ты так и не ответил, куда я иду, – напомнил он. – Или откуда? Этот костюм я надеваю крайне редко, разве что в дни концертов. Когда выходишь на сцену, хочется, говоря высоким штилем, снискать уважение почтенной публики. Отменный напиток. Спасибо. Ну, что скажешь?

Он сверлил Стива Ральфса немигающим, пронизательным взглядом.

Стив Ральфс залпом выпил полстакана и закрыл глаза.

- Генри, помилуй, ты уже побывал очень, очень далеко, но почему-то пришел обратно. Теперь ты обязан вернуться туда же.

- Где это «очень, очень далеко»? Прекрати говорить загадками!

Открыв глаза, Стив Ральфс ответил вопросом на вопрос:

- Как ты сюда попал? Приехал на автобусе, на такси, на попутной машине... или... шел пешком от самого кладбища?

- На автобусе? На такси? Пешком? При чем тут кладбище?

- Допивай виски. Генри, ты уже четыре года на кладбище.

- Не мели чепухи. Что мне там делать? Ни разу в жизни не подряжался... - Генри осекся и медленно утонул в кресле. - Ты хочешь сказать?..

Стив Ральфс кивнул:

- Да, Генри, это так.

- Выходит, я покойник? Четыре года лежу на кладбище? Почему же мне никто не сообщил?

- Покойнику затруднительно сообщить, что он умер.

- И то верно.

Генри опустошил стакан и потянулся за новой порцией. Стив Ральфс плеснул ему еще виски.

- Ну и дела, - протянул Генри Гроссбок - Кто бы мог подумать. Вот, значит, почему меня больше не тянет нюхать зелье.

- Да, именно поэтому, Генри. Что-то я отстаю. - Стив Ральфс подлил себе виски и не раздумывая выпил.

- Вот, значит, почему ты так ошалел, увидев меня на пороге...

- Да, Генри, именно поэтому.

- Ну, извини. Честное слово, у меня и в мыслях не было...

- Не вставай, Генри. Сиди, раз уж пришел.

- Но в свете таких событий...

- Все нормально. Я в полном порядке. Даже в свете таких событий ты остаешься моим лучшим другом, и мне, не боюсь этого слова, радостно тебя видеть.

- Удивительно. Я ведь тоже не испугался, когда тебя увидел.

- Это разные вещи, Генри. То есть в каком-то смысле...

- Ты живой, а я - совсем наоборот, так? Все ясно. Привет, я уйду.

- Как ты сказал?

- У Граучо Маркса[9 - Граучо Маркс - один из братьев Маркс, известных американских артистов эстрады и кино, которые выступали под сценическими именами Чико (1887-1961), Гарпо (1888-1964), Граучо (1890-1977), Гаммо (1892-1977) и Зеппо (1901-1979).] была песня с таким названием.

- Ах да. Помню.

- Великолепный актер. Настоящий комик. Он еще выступает? Или тоже умер?

- Боюсь, что умер.

– А ты не бойся. Я, например, ничего не боюсь. Сам не знаю почему. Ну ладно. – Генри Гроссбок расправил плечи. – Давай ближе к делу.

– Разве у тебя ко мне есть дело?

– Я ведь сразу предупредил. Дело важное. Обойти его молчанием нельзя. Я глубоко потрясен.

– Вначале я тоже был потрясен, но спиртное творит чудеса. Не тяни, Генри, выкладывай.

– Тут такая штука... – заговорил Генри Гроссбок, торопливо прикончив второй стакан. – Жена от меня отдалилась.

– Это вполне естественно, Генри. У нее...

– Не перебивай. Поначалу она приходила ежедневно. То цветы принесет, то книжку рядом положит, то посидит-поплачет. И так день за днем. Потом через день. А теперь и вовсе не появляется. Как это понимать? Добавь-ка.

Стив Ральфс наклонил бутылку.

– Генри, четыре года – долгий срок...

– Не спорю. Но это ничто в сравнении с вечностью. Вечность – вот настоящая комедия.

– Неужели ты всерьез рассчитывал, что тебя будут развлекать вечно?

– Почему бы и нет? С Эвелиной скучать не приходилось. Меняла платья мне в угоду по два-три раза на дню. Не пропускала ни одного книжного магазина, покупала для меня последние новинки, читала вслух добрую старую классику, сама выбирала мне галстуки, даже чистила ботинки – уж как эмансипированные подружки ее за это шпыняли! Словом, избаловала меня. Не скрою: хочу, чтобы меня и впредь окружали заботой.

– Так не бывает, Генри.

Поразмыслив, Генри Гроссбок мрачно кивнул и сделал пару глотков.

- Допустим, ты прав. Но это еще не самая большая неприятность.

- Что еще?

- Она перестала по мне плакать. Прежде лила слезы день и ночь: за завтраком – непременно, потом в два приема до обеда, потом перед ужином. Ляжет спать, выключит свет – и опять поплачет.

- Без тебя ей было тоскливо, Генри.

- А теперь тоска развеялась?

- Как говорится, время лечит старые раны.

- Нет, позволь, я не просил лечить эти раны. Меня все устраивало. Пусть бы вволю рыдала на рассвете, потом – можно вполсилы – часов этак в пять, и еще напоследок – ближе к ночи. Только нынче и этой малости не дождешься. На меня – ноль внимания.

- Это можно сравнить с медовым месяцем. Он ведь у вас с Эвелиной тоже закончился в положенный срок.

- Не скажи. Искорки вспыхивали все сорок лет.

- Но ты понимаешь, о чем я говорю?

- Медовый месяц завершился. Жизнь кончена. То, что осталось, – уже не для меня. – Тут Генри Гроссбока осенило. Он резко опустил стакан. – Погоди, не замешан ли здесь кто-то другой?

- Кто-то...

- ...другой! Нет ли у нее?..

- Да хоть бы и есть?

- Как она посмела?!

- Прошло четыре года, Генри, целых четыре года. Но она... поверь, у нее никого нет. Она до конца своих дней останется вдовой.

- Похоже на правду. Хорошо, что для начала я наведалься к тебе. Ты меня вразумил. Стало быть, она по-прежнему одинока и... нет, постой. Почему же она больше не плачет - ни ночью, ни утром?

- Только не делай вид, будто ты рассчитывал на неиссякаемый фонтан слез.

- Черт побери, мне этого очень недостает. Должна же у человека быть какая-то отдушина!

- Разве у тебя нет друзей... среди?.. - Стив Ральфс смутился, покраснел и добавил виски в оба стакана.

- Ты хотел сказать - «среди покойников»? От них толку не добьешься. Зануды. Словом перемолвиться не с кем.

- А ведь ты был бесподобным рассказчиком, Генри.

- Почему «был»? Я таким и остался, разве нет? А ты - самый благодарный слушатель.

- Рассказывай, Генри. Я тебя слушаю.

- Сдается мне, самое главное уже сказано. Она перестала ко мне приходить. Это плохо. Перестала плакать. Это еще хуже. Слезы - бальзам, который дает возможность... таким, как я... существовать дальше. Как ты думаешь, если я к ней наведаюсь, она будет по мне плакать, как прежде?

- Зачем тебе к ней навещаться?

- По-твоему, незачем?
- Ты ее только напугаешь. Это будет непростительно.
- От кого, скажи на милость, я должен ждать прощения?
- От меня, Генри. Я тебе этого не прощу.
- Да-а-а. Вот оно как. Ну-ну. Добрый совет от лучшего друга.
- Именно так, от лучшего друга. - Стив Ральфс подался вперед. - Ты ведь и сам хочешь, чтобы она справилась со своей бедой?
- Нет! Да. Нет. Тьфу ты, не знаю, что и сказать. Да, наверно, хочу.
- Не забывай: она по тебе скорбела и плакала изо дня в день почти четыре года.
- Я не забываю. - Генри Гроссбок покачал в руке свой стакан. - Что могла, она сделала. Наверное, пора ее отпустить.
- Это великодушный шаг.
- Нет во мне великодушия, не желаю быть великодушным, но, видно, придется. Уж очень я ее люблю, мою милую.
- Согласись, Генри, у нее впереди еще долгие годы жизни.
- И то верно. Вот дьявольщина. Мужчины стареть не торопятся, а умирают раньше. Женщины стареют раньше, а умирать не торопятся. Чудно распорядился Господь. Какой в этом смысл?
- Вот Его и спроси. Ты же теперь у Него под боком.
- У кого? У Господа? Я, жалкий выскочка? Ну-ну. Скажешь тоже. Ммм... - Генри прихлебывал виски. - Ладно, решено. Только чем она будет заниматься? Разъезжать с кем попало в открытых лимузинах? Куда ей себя девать?

- Будет брать уроки танцев, Генри. Займется ваянием. Живописью.

- Она всегда об этом мечтала, только как-то все не складывалось. У меня то концерт, то прием для спонсоров, то сольное выступление, то лекции, то гастроли. У нее даже была присказка: куда спешить, всему свой срок.

- И этот срок настал, Генри.

- А я и не заметил, вот ведь как. Уроки танцев, говоришь? Ваяние? Разве у нее получится?

- Танцует она посредственно. А скульптуры делает просто превосходные.

- Похвальное увлечение. Или лучше сказать «повальное»? Так или иначе. Что ж, можно только порадоваться. Да-да, меня это радует. По крайней мере, хоть какое-то занятие. А мне самому что остается? Решать кроссворды.

- Почему кроссворды?

- А что, черт возьми, ты посоветуешь, в моем-то положении? К счастью, я помню наизусть все кроссворды, которые печатались в «Нью-Йорк таймс» и «Сэтердей Ревью», - и умные, и дурацкие. Да, кроссворды. Египетский фараон, известный своими сокровищами, десять букв. Тутанхамон. Одно из Великих озер, три буквы. Эри! Ну, это ерунда. А вот, например, пятнадцать букв - древняя столица в Средиземноморье. Тут надо пораскинуть мозгами! Константинополь.

- Имя из пяти букв. Свой в доску, лучший друг, образцовый муж, скрипач-виртуоз.

- Генри?

- Угадал. Это ты. - Стив Ральфс, улыбаясь, поднес к губам стакан.

- В таком случае мне остается только надеть шляпу и откланяться. Впрочем, я пришел без шляпы. Ну, не важно.

У Стива Ральфса вырвался какой-то сдавленный звук.

- Что это было? – забеспокоился Генри, наклонился к нему и прислушался.

- Не сдержал рыданий, Генри.

- Молодец! Мне уже лучше. Поверь, это согревает мое изболевшееся сердце. Будь добр...

- «...повторяй эту попытку хотя бы пару раз в неделю на протяжении следующего года». Я не ошибся?

- Мне, право, неловко...

- Постараюсь, Генри. – У Стива Ральфса опять застрял комок в горле. Он поспешил залить его глотком виски. – Знаешь, что мне пришло в голову? Позвоню-ка я Эвелине. Скажу, что пишу о тебе книгу и хочу получить твои дневники, записи, клюшки для гольфа, очки и прочие мелочи, а сам буду раз в неделю их перебирать и скорбеть о тебе. Не возражаешь?

- Да ты голова! Вот что значит настоящая дружба. – Генри Гроссбок просиял. На его щеках даже проступил румянец. Допив виски до последней капли, он поднялся с кресла.

У двери что-то заставило его обернуться и в упор посмотреть на Стива Ральфса.

- Святые угодники, неужели это слезы?

- А что же еще, Генри?

- Давай, давай. Уже лучше. До Эвелины, конечно, далеко, да и рыдания глуховаты. Но сойдет и так. Прими мою благодарность.

- Не говори глупостей, Генри.

- Ну, хорошего понемножку. – Генри отворил дверь. – До скорой встречи.

- Не будем торопить события, Генри.

- В каком смысле? Ах, вот ты о чем! Конечно не будем. Счастливо, дружище.

- И тебе счастливо, Генри. - Из горла того, кто помоложе, вырвался еще один подозрительный стон.

- Продолжай в том же духе, - улыбнулся Генри. - Чтобы я спокойно прошел по коридору. Ну, как говаривал Граучо Маркс...

С этими словами он исчез. Дверь захлопнулась.

Медленно подойдя к телефону, Стив Ральфс примостился на стуле и набрал номер.

На другом конце провода раздался щелчок; в трубке зазвучал голос.

Стив Ральфс утер глаза тыльной стороной ладони и, помолчав, произнес:

- Эвелина?

Дом разделившийся

Тонкие пальцы пятнадцатилетней девочки порхали над пуговицами брюк Криса, словно мотыльки, влекомые к огню. В темноте комнаты Крис слышал ее шепот, но ничего не значащие слова забывались, едва она успевала их произнести.

Губы Вивиан были удивительно нежными. Крису чудилось, будто все это - просто сон. В темноте разворачивалась невидимая ему пантомима. Вивиан сама погасила все светильники. Этот вечер начался также, как и любой другой. Крис и его брат Лео поднялись на второй этаж вместе со своими двоюродными сестрами Вивиан и Ширли. Обе девочки были светловолосы и улыбкивы. Лео в свои шестнадцать оставался на редкость нескладным. Крису исполнилось двенадцать, и он ничего не знал о том, что в теплой пантомиме живут ночные

мотыльки, равно как и о том, что у него внутри горит неведомый доселе огонь, к которому может потянуться девочка. Ширли было почти одиннадцать; она отличалась невероятной любознательностью. Но главной заводилой выступала Вивиан, которая к своим пятнадцати годам уже кое-что смыслила в этой жизни.

Крис и Лео приехали на машине с родителями; оба хранили серьезный вид, как и подобало в таких серьезных обстоятельствах. Вслед за мамой и папой они молча вошли в дом Джонсонов на Баттрик-стрит, где уже собрались все родственники, застыв в молчаливом ожидании. Дядя Эйнар неотрывно глядел на телефон, а его большие руки, лежащие на коленях, сами собой подрагивали, как два беспокойных зверя.

У каждого из входящих возникало такое ощущение, будто он попал в больничный вестибюль. И все потому, что дядя Лестер был в крайне тяжелом состоянии. В любую минуту могли позвонить из больницы. Лестер отправился на охоту и получил ранение в живот; уже трое суток он лежал без сознания. Родственники хотели быть вместе, когда придет известие о кончине дяди Лестера. Его три сестры и двое братьев присутствовали со своими семьями.

Все разговаривали вполголоса; выждав для приличия какое-то время, Вивиан тихонько обратилась к матери:

– Мама, можно мы пойдем наверх, чтобы вам не мешать? Будем рассказывать страшные истории.

– Страшные истории, – пробормотал дядя Эйнар. – Самое подходящее занятие для такого случая. Страшные истории.

Мама Вивиан не возражала:

– Ступайте, только тихо. Чтобы никакого шума.

– Конечно, мэм, – пообещали Крис и Лео.

Они на цыпочках вышли из комнаты. Никто этого не заметил. Если бы по комнате проплыли четыре невидимых призрака, им бы уделили ровно столько же внимания.

Наверху, в комнате Вивиан, у стены стояла низкая кушетка, по стенам красовались репродукции с цветами, а на туалетном столике был разложен отрез розового жатого шелка на юбку. Здесь же был дневник в зеленом кожаном переплете, с заманчивой надписью, но при этом надежно защищенный маленьким замочком; на обложке виднелись следы пудры. В воздухе витал удивительно легкий и приятный запах.

Мальчики и девочки чопорно сели рядом на кушетку, прислонившись к стене прямыми, негнувшимися спинами, и, как обычно, Вивиан первой начала рассказывать страшилку. Они погасили все лампы, кроме ночника, светившего совсем тускло, и Вивиан шепотом завела рассказ, который был у нее запрятан где-то глубоко, за округлившейся девичьей грудью.

Это была очень старая история о том, как поздней ночью, когда в небе холодными огоньками мигают звезды, ты лежишь в постели один-одинешенек, и вдруг на лестнице слышатся медленные шаги. Кто-то приближается к дверям спальни – какой-то жуткий незнакомец, зловещий гость из другого мира. И по ходу рассказа, медленно, шаг за шагом, шаг за шагом, голос рассказчика становится все более напряженным и пугающе тихим, а ты все ждешь и ждешь ужасающей развязки.

– Он крадучись поднялся на вторую ступеньку, взобрался на третью, ступил на четвертую...

Сердца юных слушателей уже тысячу раз трепетали в такт этой истории. Их лица, исполненные ожидания, как и прежде, покрывались холодным потом. Крис держал Вивиан за руку.

– Странные звуки послышались с шестой ступени, что-то зашуршало на седьмой, потом на восьмой...

Крис давно выучил эту историю наизусть и частенько рассказывал ее сам, но никому она не удавалась так, как Вивиан. Теперь ее голос звучал совсем хрипло, как у ведьмы; она прикрыла глаза и вжалась в стену.

Зная, что будет дальше, Крис мысленно забежал вперед.

– Девятая, десятая, одиннадцатая ступени. Двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая. Он поднялся на самый верх... Вот он топчется на лестничной площадке, – продолжала Вивиан. – Приближается к дверям. Теперь входит. Закрывает за собой дверь. – Она выдержала паузу. – Идет по комнате. Мимо письменного стола. Наклоняется над постелью. И вот он уже совсем близко, над твоей головой...

Молчание затягивалось, темнота в комнате еще более сгущалась. Все ждали и ждали, затаив дыхание.

– ПОПАЛСЯ!

Визг, смех, взрыв облегчения! Черная летучая мышь прорвала паутину. Ты сам плел внутри себя эту сеть из страха и волнения, минуту за минутой, шаг за шагом, круг за кругом, неспешно, как привередливый ядовитый паук, и на самом пике напряжения взорвалось это оглушительное «ПОПАЛСЯ!», которое, словно мерзкая летучая мышь, в клочья разметало паутину, оставив после себя лихорадочную дрожь и смех. Ибо только смехом можно замаскировать свой истинный страх. В таких случаях все визжат и хохочут. Орут, подпрыгивают на кушетке, хватаются друг за друга. А страшилка-то в самом деле старая! Раскачиваешься взад-вперед, дрожишь и задыхаешься. Забавно: услышав эту историю в сотый раз, все равно обмираешь от страха.

Смех быстро утих. По ступеням к комнате Вивиан торопливо приближались вполне реальные шаги. Крис на слух определил, что это его тетушка, мама Вивиан. Дверь распахнулась.

– Вивиан! – прикрикнула тетушка. – Вам было ясно сказано: не шуметь! Неужели у вас нет ни капли уважения?

– Я понимаю, мама. Прости нас.

– Извините, пожалуйста. – Крису было по-настоящему стыдно. – Мы просто забылись. Страшно все-таки.

– Вивиан, проследи за тем, чтобы все вели себя тихо, – смягчилась тетя. – Если я еще раз вас услышу, вы все спуститесь вниз.

- Мы будем вести себя хорошо, - тихо и серьезно проговорил Лео.

- Ну, ладно.

- Из больницы не звонили? - спросила Ширли.

- Нет. - Тетушка изменилась в лице, вспомнив о том, что собрало их здесь. - Скоро уже должны позвонить.

Она спустилась вниз. Через пять минут все опять жаждали страшных историй.

- Кто теперь будет рассказывать? - спросила Ширли.

- Вивиан, давай опять ты, - попросил Лео. - Расскажи про масло с ядовитой плесенью.

- Сколько можно - каждый раз одно и то же, - возразила Вивиан.

- Давайте я расскажу, - вызвался Крис - Я знаю новую страшилку.

- Отлично, - сказала Вивиан. - Только нужно выключить ночник. Тут слишком светло.

Она вскочила, чтобы погасить последний горящий светильник. Когда она в полной темноте возвращалась на свое место, Крис чувствовал приближение ее запаха, а вслед за тем - и самой Вивиан. Она крепко сжала его руку:

- Начинай.

- Ну... - Крис сосредоточился и мысленно прокрутил в памяти последовательность событий. - Значит, так: давным-давно...

- А говорил - новая! - рассмеялись все хором. Смех эхом отразился от невидимой стены. Крис покашлял и начал снова:

- Давным-давно стоял в лесу черный замок...

Он тут же завладел всеобщим вниманием. Как оказалось, замок – это классное начало. Да и сама страшилка, которую он приготовился рассказать, была хоть куда – он мог бы ее растянуть минут на пятнадцать, если не больше. Но рука Вивиан бойким паучком копошилась в его ладони, и по ходу рассказа он все больше сосредоточивался на ней, а не на героях истории.

– И в этом черном замке жила ведьма...

Он почувствовал на своей щеке губы Вивиан. Ее поцелуй оказался таким же, какими были все прежние. Такие поцелуи существуют еще до появления тела. А тело появляется лет в двенадцать-тринадцать. До той поры есть только мягкие губы и мягкие поцелуи. И та мягкость, что таится в этих поцелуях, навсегда ускользает, как только к твоей голове добавляется тело.

С Крисом этого еще не произошло – у него пока что было только лицо. И всякий раз, когда Вивиан его целовала, он ей отвечал. А что такого: это было приятно, ничуть не хуже того, чтобы есть, спать и играть в разные игры. Он ощущал неуловимую сладость ее губ, и ничего более. Вот уже четыре года – с тех пор как ему исполнилось восемь – они с Вивиан виделись примерно раз в месяц, так как она жила на другом конце города, и каждый раз встреча не обходилась без страшилок, поцелуев и неуловимой сладости.

– И у этой ведьмы, что жила в черном замке...

Она поцеловала его в губы, мгновенно разрушив только что созданный замок. Секунд через десять пришлось возводить его заново.

– И у этой ведьмы, что жила в черном замке, была красавица дочь, звали ее Хельга. Хельга томилась в башне, и злая старуха-мать сживала ее со свету. Хельга была чудо как хороша собой...

Ее губы возвратились. И на этот раз задержались чуть дольше.

– Что ты тянешь? – сказал Лео.

– Дальше давай! – нетерпеливо потребовала Ширли.

– Вот... – проговорил Крис, слегка отстранившись; ни с того ни с сего у него сбилось дыхание. – Однажды эта девушка ускользнула из башни и сбежала в лес, а ведьма как закричит...

С этого места история ни на шаг не продвинулась вперед, а только замедлялась, бесцельно блуждала, а потом и вовсе сбилась с курса. Вивиан, прижавшись к нему, целовала его в щеку и обжигала дыханием, пока он, запинаясь, пытался продолжать рассказ. Между тем она неспешно, словно чудодей-ваятель, занялась созданием его тела! И сказал Бог: да будут ребра, и стало так. И сказал Бог: да будет живот, и стало так! И сказал Бог: да будут ноги, и стало так! И сказал Бог: да будет кое-что еще, и стало так!

Как странно было вдруг обнаружить свое собственное тело. На протяжении целых двенадцати лет тела попросту не существовало. Оно обреталось где-то под головой, как ненужный маятник под спящими ходиками, и вот теперь Вивиан приводила его в движение, прикасаясь, подталкивая, раскачивая из стороны в сторону, – и так до тех пор, пока под механизмом, застучавшим в голове, маятник не принялся описывать умопомрачительные горячие дуги. Часы пошли. Часы не могут показывать время, пока не начнет раскачиваться маятник. Часы могут быть собраны, ничуть не повреждены, вполне исправны, готовы к работе, но до тех пор, пока маятник неподвижен, они остаются никчемной безделицей.

– И вот девушка убежала в лес...

– Не тормози, Крис! – сердился Лео.

Все происходящее напоминало ту историю, в которой кто-то поднимался по ступеням: шаг-другой, шаг-другой. Такой же поздний вечер, такая же тьма, все здесь было так же. Так, да не так.

Пальцы Вивиан ловко поколдовали над пряжкой ремня и расстегнули ее, высвободив металлический язычок.

Она коснулась первой пуговицы.

Добралась до второй.

Очень похоже на ту страшилку. Только здесь все происходило взаправду.

– Вот, значит, убежала девушка в лес...

– Заклинило тебя, что ли, Крис? – возмутился Лео.

Она уже дошла до третьей пуговицы.

Уже спустилась к четвертой, ох, теперь к пятой, а потом...

Тот же возглас, которым окончилась предыдущая история, тот же самый выкрик на этот раз неистово зазвенел у него внутри, тихо, беззвучно, неслышно.

То же самое слово!

То же самое слово, которое всегда выкрикивают в конце истории о том, как некто поднимается по ступеням. То же самое слово в конце рассказа.

Крис уже не владел своим голосом:

– Она как побежит, а там что-то было, там было, значит, как это... ну, она хотела... ммм, за ней кто-то гнался... то есть... ну, она, значит, побежала и оказалась... в общем, упала она, потом вскочила и как побежит, а потом...

Вивиан вплотную прижималась к нему, ни на миг не переставая двигаться. Ее губы словно запечатали эту историю у него во рту и не выпускали наружу. Замок в последний раз содрогнулся и обратился в руины, полыхнув ослепительной вспышкой, и в мире не осталось ничего, кроме вновь изваянного тела и обретенного понимания того, что девичье тело – это не какой-нибудь висконсинский пейзаж, не холмистый вид, на который просто приятно смотреть. Нет, это средоточие красоты, и музыки, и пламени, и всего тепла, какое только сыщется в мире. Это средоточие всех перемен, всех движений, всех согласований.

В сумрачной дали первого этажа раздался слабый телефонный звонок. Он едва долетал до слуха, как плач из затерянной башни. Телефон звонил, а Крис ничего не слышал.

Вроде бы Лео и Ширли вяло повозмущались, а потом, несколько минут спустя, до Криса дошло, что эти двое неумело целуются, ничего более, просто неловко прижимаются лицами друг к другу. Стало совсем тихо. Все истории были рассказаны, и комнату поглотила пустота.

Как странно. Крис был способен только лежать и ощущать, пока Вивиан разыгрывала в темноте эту небывалую пантомиму, содержащую такое, о чем тебе за всю жизнь никто не расскажет, думал он. Никто ничего не расскажет. Скорее всего, эту пантомиму невозможно выразить словами: слишком уж она необыкновенна, слишком прекрасна, чтобы о ней говорить, слишком необычна и удивительна, чтобы обратить ее в слова.

С лестницы слышались шаги. На этот раз их приближение было очень медленным и печальным.

- Быстрее! - прошептала Вивиан и отпрянула, поправляя платье.

Как слепой, не чувствуя собственных пальцев, Крис застегнул ремень и пуговицы.

- Давай быстрее! - шептала Вивиан.

Она зажгла свет, и мир поразил Криса своей нереальностью. После темноты, после этой нежной, мягкой, подвижной и таинственной темноты бледные стены казались бескрайними и равнодушными. Шаги все приближались, и все четверо снова торжественно вытянулись, прислонившись спинами к стене, а Вивиан начала повторять свою историю:

- Теперь он поднялся на самый верх лестницы.

Дверь отворилась. На пороге стояла тетя, ее лицо было в слезах. Все стало ясно без слов.

- Только что позвонили из больницы, - сказала она. - Ваш дядя Лестер скончался.

Никто не шевельнулся.

- Спускайтесь в гостиную, - проговорила тетя.

Они медленно встали с кушетки. Криса, как одурманенного, бросило в жар, ноги не слушались. Пришлось пропустить вперед тетю и всех остальных. Он последним спустился по лестнице в тихое царство плача и неподвижных скорбных лиц.

Шагнув на последнюю ступень, он не смог более противиться странной мысли, которая ворочалась у него в голове. Бедный дядя Лестер, ты лишился своего тела, а я обрел свое, но ведь это несправедливо! Ужасно несправедливо, потому что это так здорово!

Через несколько минут все разъедутся. Молчаливый дом на несколько дней сохранит их рыдания, радио одним щелчком заставят смолкнуть на целую неделю, а смех будет умирать, не успев появиться на свет.

Крис вдруг заплакал.

На него посмотрела мама. На него уставился дядя Эйнар, а за ним и другие родственники. И Вивиан тоже. И Лео, такой высоченный, с мрачным видом стоящий неподалеку.

У Криса текли слезы; все смотрели на него.

Но одна лишь Вивиан знала, что это слезы радости, горячие и ликующие - слезы ребенка, нашедшего клад, что скрывался в горячих глубинах его собственного тела.

- Ну, что ты, Крис - Это мама приблизилась, чтобы его утешить. - Будет, будет...

Дерзкая кража

Около трех часов ночи, когда на небе не было луны и только звезды следили за происходящим, Эмили Уилкс проснулась от какого-то подозрительного звука.

- Роуз? – позвала она.

Ее сестра, чья кровать стояла на расстоянии вытянутой руки, уже успела проснуться и широко раскрыть глаза, а потому ничуть не удивилась.

- Ты слышишь? – спросила она, и весь эффект пошел насмарку.

- Я как раз собиралась сказать тебе, – отозвалась Эмили. – Но раз ты сама слышала, то незачем и...

Она осеклась и резко села в кровати, а вместе с ней Роуз, точно их обеих дернули за невидимые нитки. Престарелые сестры – одной восемьдесят, другой восемьдесят один, обе худые, как жерди, – не на шутку переполошились и уставились в потолок.

Эмили Уилкс показала глазами вверх:

- Ты об этом?

- Не завелись ли у нас мыши?

- Судя по топоту, это бестии покрупнее. Наверно, крысы.

- Ага, и судя по топоту – в сапогах и с поклажей.

Тут нервы не выдержали. Выскочив из кроватей, сестры набросили халаты и торопливо, насколько позволял артрит, сбежали по лестнице. Кому охота лежать в постели, если над головой топочут бестии в сапогах?

Оказавшись внизу, они ухватились за перила и стали смотреть вверх, перешептываясь.

- Что можно делать у нас на чердаке в такое время суток?

- Воровать старый хлам?

– А вдруг они спустятся и нападут на нас с тобой?

– Кому нужны две старые дуры с тощими задницами?

– Слава богу, чердачная дверца открывается только в одну сторону, а снизу она заперта.

Они стали маленькими шажками красться наверх, откуда исходили таинственные звуки.

– Я знаю! – внезапно воскликнула Роуз. – На прошлой неделе чикагские газеты писали: в городе участились хищения антикварной мебели!

– Скажешь тоже! Если в доме и есть какой-то антиквариат, так это мы с тобой!

– Неправда, на чердаке кое-что имеется. Моррисовское кресло[10 - Моррисовское кресло — большое кресло с откидывающейся спинкой и снимающимися подушками; названо по имени выдающегося английского дизайнера, художника-прерафаэлиты и писателя Уильяма Морриса (1834–1896).] – старинная вещь. Несколько обеденных стульев, еще того древнее, и хрустальный канделябр.

– Из хозяйственной лавки, куплен в тысяча девятьсот четырнадцатом. Такой страшный, что совестно было даже на улицу выставить вместе с мусором. Слушай внимательно.

Наверху стало тише. Они стояли на верхней площадке и, обратившись в слух, не спускали глаз с чердачного люка в потолке.

– Кто-то открывает мой сундук. – Эмили зажала рот обеими руками. – Слышишь? Петли скрипят, надо почаще смазывать.

– На что им сдался твой сундук? В нем ничего ценного.

– Как сказать...

Наверху, в темноте, грохнула крышка.

- Идиот! - прошептала Эмили.

Непрошенный гость крадучись прошелся по чердаку, стараясь быть осторожным после такой промашки.

- Там наверху окно, они вылезают на крышу!

Сестры подбежали к окну спальни.

- Открой ставни, высунь голову! - крикнула Роуз.

- Чтобы они меня увидели? Нет уж, спасибо!

Подождав еще немного, они услышали царапанье, а потом стук - сверху что-то упало на подъездную дорожку.

Тяжело дыша, они распахнули створки, взглянули вниз и увидели, как две тени уносят по дорожке длинную приставную лестницу. Одна тень сжимала в свободной руке небольшой белый сверток.

- Все-таки что-то сперли! - зашипела Эмили. - Бежим!

Они спустились в холл, распахнули входную дверь и увидели на росистом газоне две дорожки следов. От обочины отъехал грузовик.

Выскочив на улицу, каждая приложила ладонь козырьком, чтобы рассмотреть ускользающий номер.

- Проклятье! - воскликнула Эмили. - Ты успела разглядеть?

- Только семерку и единицу, больше ничего. Вызовем полицию?

- Сначала посмотрим, что из вещей пропало. Шевелись!

Вооружившись фонариком, сестры поднялись по чердачной лестнице, открыли люк и вскарабкались на самый верх, в темноту.

По мере того как они прочесывали чердак, спотыкаясь о старые чемоданы, детский велосипед и пресловутый канделябр, Эмили обшаривала помещение лучом света.

- Все на месте, - сказала Роуз. - Даже странно.

- Не спеши. Проверим сундук. Берись.

Они потянули за кольца, и крышка подалась, выпустив наружу облако пыли и аромат прежних времен.

- Ой, Эмили, помнишь? Духи «Бен Гур», двадцать пятого года, появились одновременно с фильмом! [11 - Духи «Бен Гур», двадцать пятого года, появились одновременно с фильмом! - Вторая (2,5-часовая) экранизация эпического романа Лью Уоллеса (1880), режиссеры Дж. Дж. Кон, Ф. Нибло, Ч. Брабин, Р. Ингрэм. Первую (15-минутную) снял в 1907 году С. Олкотт, третью (3,5-часовую, получившую премию «Оскар») - в 1959 году У. Уайлер.]

- Тихо, - оборвала ее Эмили. - Помолчи!

Луч фонаря осветил аккуратную вмятину на старом выходном платье: это был совсем небольшой отпечаток - дюйма два в высоту, четыре в ширину и восемь в длину.

- Боже милостивый! - воскликнула Эмили. - Они пропали!

- Кто?

- Мои любовные письма! Девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого года. Тридцать штук, перевязанные розовой лентой. Их нет!

Эмили разглядывала похуже на гробик углубление в середине сложенного выходного платья.

- Кому могли понадобиться старые любовные послания, написанные неизвестным отправителем, которого, наверно, уже нет в живых, неизвестному адресату, то

есть мне, которая тоже одной ногой в могиле?

– Эмили Бернис! – воскликнула Роуз. – Ты на какой планете живешь? Разве ты не смотрела утренние телепередачи, после которых хочется рот с мылом прополоскать? Разве не читала светскую хронику в городской газете? Разве не листала идиотские женские журналы в парикмахерской?

– Стараюсь этого избегать.

– Напрасно, в другой раз посмотри! Эти шелкоперы мать родную не пожалеют ради завлекательной истории. Не далее как завтра нам позвонят и потребуют выкуп, а нет – продадут эти письма какому-нибудь издателю для серии женских романов или для рубрики «Советы влюбленным». Форменный шантаж, и ничего больше. Угроза огласки! Медлить нельзя.

– Не надо звонить в полицию! Пойми, Роуз, мне невыносимо полоскать перед чужими свое нижнее белье! У нас вино в кладовке осталось? Доставай, Роуз! Помирать, так с музыкой!

Они чудом не скатились с лестницы.

На другой день, всякий раз, когда мимо дома проезжал почтовый фургон, Эмили раздвигала занавески в надежде, что он остановится. Фургон не остановился.

На следующий день у обочины притормозил пикап телемастера: водитель искал нужный адрес. Эмили выбежала на улицу, готовая отразить нападки любых журналистов – охотников копаться в чужом белье. Нападок не последовало.

На третий день, когда здравый смысл подсказывал, что у «Гринтаун газетт» было достаточно времени, чтобы накопить желчи и выплеснуть ее на свои страницы, разлития желчи не произошло.

И все же...

На четвертый день в почтовом ящике очутилось какое-то письмо, причем без участия почтальона. Имя адресата на конверте было выведено

каллиграфическим почерком и выглядело так, будто его написали лимонным соком, а потом подержали над огнем, чтобы буквы стали рельефными.

– Мамочки, – прошептала Эмили, – адресовано Эмили Бернис Уотрисс! Марка в два цента, дата гашения – четвертое июня двадцать первого года. – Она подняла письмо и посмотрела конверт на просвет, пытаясь проникнуть в его тайну. – Украдено четыре дня назад, – удивленно произнесла она, – а теперь еще раз отправлено мне же! Зачем?

– Распечатай, – посоветовала Роуз. – Конверт шестидесятидвухлетней давности, а что внутри?

Собравшись с духом, Эмили извлекла на свет хрупкий листок с коричневатыми строчками, выведенными изящным почерком со множеством завитушек.

– Четвертое июня двадцать первого года, – прочитала она. – Начинается так: «Моя дорогая, ненаглядная Эмили...»

У Эмили по щеке скатилась слеза.

– Ну, продолжай! – потребовала Роуз.

– Письмо адресовано мне!

– Не спорю, но сейчас мы с тобой – две старые боевые подруги. Ничто не может нас смутить. Дай-ка сюда!

Выхватив у сестры письмо, Роуз поднесла его к свету. По мере того как она разбирала каллиграфический почерк прежних времен, ее глаза сощуривались, а голос звучал все тише:

– «Моя дорогая, ненаглядная Эмили. Не знаю, как выразить словами все чувства, которые вместило мое сердце. Я восхищаюсь Вами не один год, но когда мы кружимся в танце или сидим с веселой компанией на берегу озера, мне не под силу заставить себя говорить о сокровенном. Возвращаясь домой, я вижу свое лицо в зеркале и стыжусь собственного малодушия. Но теперь я должен наконец высказать свои потаенные мысли, чтобы окончательно не сойти с ума. Боюсь

причинить Вам обиду, поэтому готов потратить не один час, вновь и вновь переписывая это письмо. Драгоценная Эмили, хочу, чтобы Вы знали о моей искренней привязанности к Вам; все то время, что отпущено мне судьбой, я готов провести рядом или вместе с вами. Один Ваш благосклонный взгляд может сделать меня самым счастливым человеком на свете. Мне не раз приходилось подавлять в себе желание прикоснуться к Вашей руке. А при мысли о чем-то большем, о самом легком поцелуе, меня охватывает такое волнение, которое дает мне смелость сказать Вам эти слова. Мною движут благородные намерения. Если позволите, я бы хотел поговорить с Вашими родителями. Пока этот день и час не настал, посылаю Вам уверения в глубочайшей привязанности и желаю, чтобы жизнь у Вас сложилась наилучшим образом».

Последние слова Роуз прочла ясно и отчетливо:

– Подпись: Уильям Росс Филдинг.

Роуз взглянула на сестру.

– Уильям Росс Филдинг? Это еще кто такой? Похоже, влюблен был не на шутку, если писал тебе такие письма.

– Бог свидетель, – воскликнула заплаканная Эмили Бернис Уотрисс, – не имею ни малейшего понятия!

День за днем приходили все новые письма, но не с остальной почтой: в полночь или на рассвете их тайком опускали в почтовый ящик, а Эмили и Роуз потом читали вслух, по очереди утирая слезы. День за днем автор просил у Эмили прощения из своего далекого времени, тревожился о ее будущем и подписывался с росчерком и почти явственным вздохом: «Уильям Росс Филдинг».

И каждый день, закрыв глаза, Эмили говорила:

– Прочти-ка еще раз. Думаю, теперь я готова.

К концу недели, когда у Эмили накопилось шесть ветхих, едва не рассыпающихся листков почтовой бумаги, она воскликнула, дойдя до полного

изнеможения:

– Хватит! Черт бы побрал этого презренного шантажиста, который не хочет показаться мне на глаза! Сожги эту писанину!

– Нет, подожди, – ответила Роуз, протягивая сестре очередной конверт, но не пожелтевший от времени, а ослепительно белый, совершенно новый, без обратного адреса, в котором лежало письмо, также без подписи.

Эмили мгновенно возродилась к жизни, схватила новое послание и прочла вслух:

– «Каюсь, я участвовал в этой неприятной для вас затее, которой необходимо положить конец. Вашу корреспонденцию можете получить по адресу: улица Саут-Сент-Джеймс, дом одиннадцать. Прошу меня простить».

И никакой подписи.

– Ничего не понимаю, – сказала Эмили.

– Проще простого, – отозвалась Роуз. – Человек, пересылающий письма, пытается ухаживать за тобой при помощи чужих посланий времен президентства Кулиджа!

– Господи, у меня все лицо горит – потрогай, Роуз. Зачем, скажи на милость, человеку взбираться по приставной лестнице, обшаривать чердак, скрываться бегством? Почему нельзя остановиться напротив дома и покричать?

– Наверно, потому, – негромко сказала Роуз, крутя в руках новое письмо, – что его автор страдает от такой же застенчивости, какой мучился в незапамятные времена Уильям Росс Филдинг. Ну, что будем делать?

– Хотела бы я знать... – произнесла Эмили, глядя в окно. – Кто обитает в доме номер одиннадцать по Саут-Сент-Джеймс?

– Это здесь.

В тот же день, ближе к вечеру, они нашли указанный дом.

Саут-Сент-Джеймс, дом 11.

- Интересно, кто сейчас оттуда смотрит в нашу сторону? - спросила Эмили.

- Явно не тот тип, который написал покаянное письмо, - ответила Роуз. - Лестница его не придавила, а совесть, видно, давит. В этом доме обретается тот полоумный, который пересылал тебе старые письма. Но если мы будем и дальше здесь торчать, сюда сбежится вся улица. Вперед.

Они поднялись на крыльцо и позвонили. Дверь распахнулась. На пороге стоял старик лет под восемьдесят; его вид выражал крайнее удивление.

- Кого я вижу: Эмили Бернис Уотрисс, - воскликнул он. - Добрый день!

- Черт побери, - не сдержалась Эмили Бернис Уотрисс, - чем вы занимаетесь?

- В данный момент? - уточнил он. - Собираюсь пить чай. Не желаете присоединиться?

Они бочком прошли в гостиную, примостились на стульях, готовые в любую минуту сорваться с места, и стали смотреть, как он заваривает «оранж пеко».

- Со сливками или с лимоном? - спросил он.

- Не заговаривайте мне зубы! - парировала Эмили.

- Прошу.

Они молча приняли чашки, но пить не стали; хозяин сделал несколько глотков и произнес:

- Мне позвонил друг и признался, что сообщил вам мой адрес. Да мне и самому всю эту неделю было крайне неловко.

– А мне, по-вашему, каково? – возмутилась Эмили. – Стало быть, это вы похитили у меня письма, чтобы мне же их переслать?

– Да, я.

– Изложите свои требования!

– Требования? Об этом нет и речи! Вы опасались шантажа? Как глупо, что я об этом не подумал. Нет-нет. Это у вас те самые письма?

– Те самые!

– Верхнее письмо, самое первое, датированное четвертым июня двадцать первого года. Будьте добры, откройте конверт. Держите листок так, чтобы я не видел, а я буду говорить, хорошо?

Эмили разложила письмо на коленях.

– Что дальше? – спросила она.

– Просто послушайте, – ответил он и начал читать едва слышным голосом: – «Моя дорогая, ненаглядная Эмили...»

Эмили ахнула.

Старик помолчал, прикрыл глаза и повторил, будто считывая это послание с собственных ресниц:

– «Моя дорогая, ненаглядная Эмили. Не знаю, как выразить словами все чувства, которые вместило мое сердце».

У Эмили вырвался глубокий вздох.

Старик шепотом продолжал:

– «Я восхищаюсь Вами не один год, но когда мы кружимся в танце или сидим с веселой компанией на берегу озера, мне не под силу заставить себя говорить о сокровенном. Возвращаясь домой, я вижу свое лицо в зеркале и стыжусь собственного малодушия. Но теперь я должен наконец высказать свои потаенные мысли, чтобы окончательно не сойти с ума...»

Роуз достала платок и вытерла нос. Эмили достала свой и приложила его к глазам.

Старческий голос звучал то приглушенно, то громче, то снова тихо:

– «А при мысли о чем-то большем, о самом легком поцелуе, меня охватывает такое волнение, которое дает мне смелость сказать Вам эти слова».

В конце он опять перешел на шепот:

– «Пока этот день и час не настал, посылаю Вам уверения в глубочайшей привязанности и желаю, чтобы жизнь у Вас сложилась наилучшим образом». Подпись: Уильям Росс Филдинг. Попрошу следующее письмо.

Эмили развернула листок так, чтобы хозяину дома не было видно.

– «Моя бесценная, – начал он. – Вы не ответили на мое первое письмо, и причиной тому может оказаться следующее: либо оно затерялось, либо его от Вас скрыли, либо Вы его получили, но затем уничтожили или спрятали. Если я Вас обидел, простите... Куда бы я ни пришел, везде слышу Ваше имя. Молодые люди только о Вас и говорят. Девушки рассказывают, будто в скором времени Вы отправитесь в путешествие за океан...»

– В те времена так было заведено, – сказала Эмили, вроде бы себе самой. – Девушек, а иногда и юношей отсылали из дому на год, чтобы все лишнее стерлось из памяти.

– Даже если в памяти не было ничего лишнего? – спросил старик, читавший по собственным ладоням, лежавшим у него на коленях.

– Даже так. У меня с собою еще одно письмо. Вы можете сказать, что в нем?

Развернув листок, она увлажнившимися глазами пробежала строчку за строчкой, а старик опустил голову и повторял слово в слово по памяти:

– «Моя бесценная, могу ли я назвать тебя так: моя единственная любовь? Ты уезжаешь завтра утром; пройдет Рождество, а ты еще долго будешь в отъезде. Уже объявлено о твоей помолвке, нареченный ожидает в Париже. Желаю, чтобы тебе сопутствовала удача, чтобы жизнь сложилась счастливо, чтобы у вас было много детей. Прошу тебя забыть мое имя. Забыть? Моя милая девочка, ты, наверное, никогда его толком не знала. Уилли, Уилл? Думаю, как-то так; а фамилия была тебе неизвестна, поэтому и забывать нечего. Лучше запомни мою любовь». Подпись: У. Р. Ф.

Закончив, он откинулся на спинку стула и открыл глаза, а она сложила письмо и опустила его вместе с другими на колени; по щекам у нее катились слезы.

– Зачем вы похитили эти письма? – спросила она после короткого молчания. – И воспользовались ими шестьдесят лет спустя? Откуда вы знали, где их искать? Я похоронила их в сундуке, как в гробу, перед отъездом во Францию. За последние тридцать лет хорошо если один раз извлекла их на свет божий. Это Уильям Росс Филдинг рассказал вам о них?

– Моя милая девочка, разве так трудно догадаться? – спросил старик. – Видит бог, я и есть Уильям Росс Филдинг.

После этих слов наступила невообразимо долгая пауза.

– Позвольте, я посмотрю поближе.

Эмили подалась вперед, а хозяин поднял голову к свету.

– Нет, – сказала она. – Мне очень жаль, но я совершенно вас не помню.

– Теперь это лицо старика, – ответил он. – Впрочем, какая разница? Когда вы отправились в кругосветное путешествие в одну сторону, я поплыл в другую. Скитался по разным странам, чем только не занимался, вел кочевую холостяцкую жизнь. Когда узнал, что у вас не было детей и что муж ваш давно умер, то вернулся сюда, в дом моего деда. Мне потребовался не один год, чтобы

собраться с духом и отправить вам эти письма – лучшую часть моей жизни.

Сестры сидели не шевелясь; если прислушаться, можно было, наверно, услышать их сердца.

– Что же теперь делать? – спросил старик.

– Присылать мне оставшиеся письма, – медленно выговорила Эмили Бернис Уотрисс-Уилкс – Каждый день, на протяжении двух недель. Одно за другим.

Он посмотрел ей в глаза:

– А потом?

– Трудно сказать, – отвечала она. – Не знаю. Там видно будет.

– Да-да. Разумеется. Что ж, давайте прощаться.

Открывая дверь, он едва не коснулся ее руки.

– Моя дорогая, ненаглядная Эмили, – произнес он.

– Да? – Она ждала.

– Что... – начал он.

– Да?

– Что... – повторил он срывающимся голосом. – Что... вы...

Она не торопила.

– ...делаете сегодня вечером? – быстро закончил он.

Не узнали?

- Не узнали? Быть такого не может!

Незнакомец уже тянул руку для приветствия.

- Как же, как же!.. - бормотал я. - Если не ошибаюсь...

Совсем растерявшись, я беспомощно озирался по сторонам. Мы встретились среди бела дня во Флоренции, на переходе через улицу. Он направлялся в одну сторону, я в другую - можно сказать, столкнулись нос к носу. Теперь он выжидал, когда я назову его имя. Я лихорадочно рылся в памяти, но безуспешно.

- Насколько мне помнится... - снова начал я.

Он схватил меня за руку, словно боясь, как бы я не сбежал. Его физиономия сияла от радости. Он меня узнал! И вправе рассчитывать на взаимную любезность, верно? Так что поднатужься, приятель, читалось у него на лице, вспоминай!

- Я - Гарри! - Его терпение лопнуло.

- Гарри?..

- Стадлер! - весело рявкнул он. - Хозяин мясной лавки!

- О господи, ну конечно же! Гарри, чтоб мне провалиться на этом месте! - Я с облегчением тряс его руку.

На радостях он едва не пустился в пляс.

- Ну да, он самый! За девять тысяч миль от дома! Неудивительно, что вы меня не узнали! Я остановился в Гранд-отеле. Шик-блеск, в вестибюле паркет наборного дерева! Поужинаем сегодня вместе? Бифштекс по-флорентийски - ваш мясник плохого не посоветует, так ведь? Значит, договорились! В семь вечера.

Я набрал в легкие побольше воздуха, чтобы выдохнуть решительный отказ, но...

– Сегодня в семь! – гроыхнул он.

Повернувшись на каблуках, мясник ринулся дальше и чуть было не угодил под мотороллер. Уже стоя на кромке противоположного тротуара, он выкрикнул:

– Гарри Стадлер!

– Леонард Дуглас, – отозвался я, неизвестно зачем.

– Как же, помню! – Махнув рукой на прощанье, он растворился в толпе. – Уж я-то помню...

Только этого не хватало, рассуждал я сам с собой, разглядывая правую руку, изрядно намятую и только что освобожденную. Кто же это был?

Хозяин мясной лавки.

Я представил, как он готовит к продаже бифштексы: белый колпак-кораблик, оттеняя щеки цвета свиного окорока, чудом держится на жидких светлых волосах, а руки истязают кусок говядины.

Действительно, мой мясник!

Ну и ну! Я не мог успокоиться до самого вечера. Надо же так влипнуть! Зачем было соглашаться? И какого черта он навязывается? Мы ведь совершенно чужие люди – так только: «С вас пять шестьдесят». – «Спасибо, всего доброго». Проклятье!

Каждые полчаса я звонил в отель. У него в номере никто не снимал трубку.

– Может быть, вы оставите сообщение, сэр?

– Нет, благодарю.

Слюнтяй! – ругал я себя. Оставь сообщение: заболел. Оставь сообщение: умер!

Просидев полдня у телефона, я так и не собрался с духом. Неудивительно, что я не узнал этого горлана. Когда постоянно видишь человека за прилавком, за конторкой, за рулем, за пианино и так далее, очень сложно его узнать, если в момент встречи он не торгует, не записывает, не управляет, не исполняет, не доставляет, не обслуживает. Автомеханик без своего замасленного комбинезона, адвокат, сменивший строгий костюм на огненно-красную спортивную майку, официантка из ночного клуба, избавленная от неременного корсета и доверившая свои формы умопомрачительному бикини, – все, все они становятся чужими, посторонними, да еще обижаются, если их не узнаешь! Да и то сказать, все мы считаем, что, куда бы ни пришли, как бы ни оделись, уж настало ни с кем не спутать. Рядимся в генерала Макартура, сходим на берег в далекой стране и возвещаем: «Я вернулся!»[12 - Рядимся в генерала Макартура, сходим на берег в далекой стране и возвещаем: «Я вернулся!» — Дуглас Макартур (1880–1964) – генерал армии США. В 1942 г. был назначен главнокомандующим вооруженными силами союзников в юго-восточной части Тихоокеанского региона; после капитуляции Японии – главнокомандующий американскими оккупационными силами. В 1944 г., перед отправкой в Австралию, заявил: «Я прорвался; я еще вернусь!»]

Но кому какое до нас дело? Взять хотя бы этого владельца мясной лавки: где, спрашивается, его колпак, где забрызганный кровью фартук, где вентилятор над головой (чтобы отгонять мух), где сверкающие ножи, острые крюки для подвески туш, крутящаяся каменная столешница для разделки мяса, холмы розового фарша и пласты говядины с тонкими прожилками? Без этих принадлежностей он просто мститель в маске.

Кроме всего прочего, за время отпуска он помолодел. Обычно так и бывает. Двухнедельное путешествие, фантастическая архитектура, изысканная кухня, редкие вина, здоровый сон – и десятка лет как не бывало, и уже не хочется возвращаться назад, в старость.

Что до меня – я находился на самом гребне этой волны, когда стремительно накручиваешь мили, сбрасывая годы. Мы с этим мясником обрели вторую жизнь, превратились в великовозрастных юнцов и столкнулись во Флоренции, чтобы среди потока машин прокричать какую-то чушь и проверить память.

– Черт тебя раздери! – Я с досадой нажимал на телефонные кнопки.

Пять часов: ни ответа, ни привета. Шесть: никто не подходит. Семь: тишина. Да что ж это такое?

– С меня хватит! – крикнул я в окно.

Тут в соборах Флоренции зазвонили колокола, обрекая меня на неизбежное.

Бух! Кто-то в сердцах грохнул дверью, выходя на улицу.

Это был я.

Уже в пять минут восьмого мы встретились в назначенном месте; я подозревал, что нам кусок не ползет в горло, как истосковавшимся влюбленным, которые бросаются друг к другу после долгой разлуки.

Поужинаем – и разойдемся; даже не так: поужинаем – и разбежимся в разные стороны, читалось на наших лицах, когда мы, потоптавшись в холле, все-таки обменялись рукопожатием. Вернее сказать, похвалились силой рук. Каждый жест почему-то сопровождался фальшивыми улыбками и неестественными смешками.

– Леонард Дуглас! – вырвалось у него. – Я уж думаю: где его черти носят, сукина сына?

Он покраснел и осекся. Как-никак мяснику не пристало фамиллярничать с постоянными покупателями!

– Пора уже, – сказал он. – Пошли, пошли.

Втолкнув меня в кабину лифта, он не умолкал, пока мы не оказались под самой крышей, в лучшем ресторане отеля.

– Надо же, такое совпадение! Столкнулись прямо на мостовой! Кормят здесь отменно. Ага, приехали. Выходим!

Мы сели за стол.

– Люблю хорошее вино. – Мясник нежно разглядывал карту вин, как старую знакомую. – Вот потрясающая штука. «Сент-Эмильон», урожая семидесятого года. Пойдет?

– Спасибо. Я, пожалуй, закажу сухой мартини с водкой.

Мясник помрачнел.

– Но и от вина не откажусь! – поспешно заверил я.

Для начала я попросил официанта принести салат. Мясник опять нахмурился.

– После салата и мартини, – изрек он, – невозможно оценить букет вина. Извиняюсь, конечно.

– Ну что ж. – Я сдался без боя. – Салат можно оставить на потом.

Он заказал бифштекс с кровью, а я – хорошо прожаренный.

– Прошу меня простить, но мясо долго поджаривать нельзя.

– Это вам не Жанна д'Арк, – подхватил я и хохотнул.

– Неплохо сказано! Что правда, то правда, это не Жанна д'Арк!

Тут нам принесли вино. Когда бутылку откупорили, я быстро подставил свой бокал и тайно порадовался, что мартини подадут позже, а то и вовсе забудут; чтобы сгладить напряжение следующей минуты, я вдохнул аромат, покрутил бокал и пригубил хваленый «Сент-Эмильон». Мясник не сводил с меня взгляда, как домашний кот с малознакомого пса.

Прикрыв глаза, я сделал крошечный глоток и кивнул.

Малознакомый сотрапезник тоже отпил вина и кивнул.

Ничья.

Мы принялись разглядывать панораму вечерней Флоренции.

– Хотел спросить... – начал я, тяготясь молчанием. – Вам нравится флорентийская живопись?

– Картины мне как-то не по нутру, – признался он. – Вот гулять и по сторонам глазеть – это другое дело. Какие в Италии женщины! Их бы заморозить да отправить морем в наши края!

– Хм... ну... – Я прочистил горло. – А Джотто?..

– Тоску нагоняет. Уж не обессудьте. Как на мой вкус, Джотто поспешил родиться, ему бы попозже прийти в искусство. Фигуры тощие, как жерди. Мазаччо – и то получше будет. А уж Рафаэль – тот всем сто очков вперед даст! И Рубенс, конечно! Я в силу своего ремесла предпочитаю обилие плоти.

– Рубенс?

– Рубенс! – Поддев вилкой пару прозрачных ломтиков салями, Гарри Стадлер отправил их в рот и мечтательно пожевал. – Рубенс! Тут тебе и бюсты, и задницы, целые горы плоти, розовой, нежной! Прямо сердце екает при виде такого богатства. Каждая женщина – как перина: прыгай на нее, заройся с головой... А на кой черт нужен этот мраморный Давид? Холодный, белый, хоть бы фиговым листочком прикрылся! Нет, мне подавай сочность, свежесть да побольше мяса, а не сухие кости. Эй, да вы ничего не едите!

– Показываю. – Я демонстративно сжевал ненавистную салями и кружок розовой болонской колбасы, а вслед за тем проглотил бледный словно смерть проволоне, раздумывая о том, как бы перевести разговор на холодные, белые, сухие сыры.

Бифштексы подавал сам метрдотель.

Стадлеру досталось совершенно сырое мясо – в пору было отправлять его на анализ крови. Передо мной водрузили бесформенный оковалок, более всего похожий на голову вождя племени, которую бросили в огонь, а потом оставили дымиться и обугливаться на моей тарелке.

Мясника так и перекосило при виде этого жертвоприношения.

– Боже праведный! – вскричал он. – С Жанной д'Арк и то лучше обошлись! Что рекомендуется с этим делать – набивать трубку или жевать?

– Вы лучше посмотрите на свою порцию! – со смехом ответил я. – Она, по-моему, еще дышит!

Когда я пытался жевать свой бифштекс, он шуршал, будто ломкий осенний лист.

Стадлер, как У. К. Филдз[13 - У. К. Филдз (Уильям Клод Дюкенфилд, 1880–1946) – знаменитый американский актер-комик.], прорубался сквозь живое мясо и тянул за собой каноэ. Его бифштекс напрашивался на заклятие. Мой – на предание земле.

Смаковать такую еду не имело смысла. Очень скоро нас охватило беспокойство, потому что оба чувствовали: придется опять начинать беседу.

Мы ужинали в гнетущем молчании, как старик со старухой, удерживаемые вместе только горечью забытых размолвок, причины которых тоже забылись, оставив после себя досаду и глухую злость.

Чтобы хоть как-то заполнить паузы, мы просили друг друга передать масло. Потом заказывали кофе – это тоже требовало каких-то слов. Наконец каждый из нас откинулся на спинку кресла и, глядя вверх белоснежного льняного поля, салфеток и столовых приборов, уставился на совершенно постороннего человека. Ни с того ни с сего – вспоминаю этот момент с содроганием – я услышал собственный голос:

– Когда вернемся домой, надо будет непременно встретиться: сходим куда-нибудь поужинать, вспомним эту поездку. Флоренция, солнце, живопись... Договорились?

- Да. - Он опустил свой бокал. - То есть нет!

- Что-что?

- Нет, - без обиняков повторил он. - Зачем кривить душой, Леонард? Там, дома, мы толком друг друга не знали. Да и здесь нас ничто не связывает, просто оба поехали отдохнуть и оказались в одно и то же время в одном и том же месте. Поговорить - и то не о чем, общих интересов никаких. Черт, жаль, конечно, но так и есть. Назначили эту встречу из лучших побуждений или уж не знаю из-за чего. Каждый бродил в одиночку по чужому городу, да и сейчас каждый сам по себе. Прямо как в анекдоте: двое встретились ночью на кладбище, хотели обняться - и прошли друг дружку насквозь. Похоже, верно? Зря мы себя обманываем.

У меня поплыло перед глазами. Зажмурившись, я чуть не поперхнулся от негодования, а потом шумно выдохнул:

- Спасибо за откровенность. В жизни не встречал такого человека, как ты.

- Терпеть не могу откровенность и здравомыслие. - Тут он зашелся смехом. - Весь день пытался тебе дозвониться из города.

- А я - тебе!

- Хотел отменить эту встречу.

- Я тоже!

- У тебя было занято.

- А у тебя никто не отвечал.

- Ну и дела!

- С ума сойти!

Запрокинув головы, мы так хохотали, что чуть не выпали из кресел.

– Вот это номер!

– Целиком и полностью с тобой согласен, – сказал я голосом Оливера Гарди.

– По такому случаю надо заказать еще шампанского!

– Официант!

Мы еле-еле сдерживали смех, пока официант наполнял наши бокалы.

– Нет, кое-что нас все-таки связывает, – сказал Гарри Стадлер.

– Интересно, что же?

– Этот нелепый, идиотский, дурацкий, прекрасный день, от полудня до вечера. Мы всю оставшуюся жизнь будем рассказывать про это знакомым. Как я предложил вместе поужинать, а ты из вежливости согласился, как мы оба пытались отменить встречу, как пришли в ресторан, клопоча от злости, как наговорили друг другу глупостей и как в один миг... – Он не договорил. В глазах блеснула предательская влага, голос дрогнул. – Как в один миг все встало на свои места. Что греха таить: лед растопился из-за этих самых глупостей. И если мы вовремя отсюда уйдем, то можно будет считать, что вечер вполне удался.

Я чокнулся с ним своим бокалом. Нелепость положения никуда не делась, но теперь и на меня нахлынула какая-то теплота.

– Так что по возвращении домой – никаких ужинов.

– Ни-ни.

– Больше не придется вести натужные беседы ни о чем.

– Как-нибудь перекинемся парой слов о погоде – и все.

- Не будем приглашать друг друга в гости.

- За это надо выпить.

- Между прочим, вечер не так уж плох. Что скажешь, старина Леонард Дуглас, мой постоянный покупатель?

- За Гарри Стадлера. - Я поднял бокал. - Куда бы ни повела его судьба.

- За меня. И за тебя.

Мы выпили шампанского и посидели минут пять в тепле и блаженстве, как друзья детства, которые вдруг выяснили, что когда-то боготворили одну и ту же прекрасную библиотекаршу, которая прикасалась к их книгам и трепала по щеке. Но воспоминания уже рассеивались.

- Кажется, будет дождь, - сказал я, достав бумажник.

Стадлер бросил на меня такой выразительный взгляд, что мне волей-неволей пришлось вернуть бумажник в карман пиджака.

- Спасибо. Доброй ночи.

- Тебе спасибо, - ответил он. - Как бы там ни было, теперь я не один.

Я опустошил свой бокал, удовлетворенно вздохнул и, повинувшись какому-то порыву, взъерошил редкие волосы Стадлера, а потом стремительным шагом направился к выходу.

В дверях я обернулся. Он это заметил и гаркнул на весь зал:

- Не узнали?!

Я притворно помедлил, поскреб в затылке, будто напрягая память, а потом указал на него пальцем и провозгласил:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Комментарии

1

Первый павильон, где мы в тридцать четвертом построили «Баунти» и дворец Марии Антуанетты, а в тридцать девятом – интерьеры Тары. – Имеются в виду историческая драма «Мятежна „Баунти“» (1935) Ф. Ллойда по роману Ч. Нордхоффа и снимавшийся несколько лет блокбастер «Мария Антуанетта» (1938) У. С. Вандейка с Нормой Ширер в главной роли. Тара – поместье, где родилась Скарлетт О'Хара, героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром», экранизированного в 1939 г.

2

Хьюз, Говард (1905–1976) – крупный американский промышленник, авиатор и кинопродюсер. Был известен своими экстравагантными выходками, любовными похождениями и пренебрежением к светскому этикету. С 1926 г. жил в Голливуде. В 1948 г. приобрел контрольный пакет акций киностудии «РКО», а в 1954–1955 гг. был ее владельцем. С 1950 г. вел затворнический образ жизни в номере люкс одного из отелей Лас-Вегаса.

3

«МГМ» — киностудия «Метро-Голдвин-Майер», расцвет которой пришелся на 1930–1940 гг.

4

Лорел, Стэн, и Гарди, Оливер (Олли) – псевдонимы популярнейших американских актеров-комиков Артура Стэнли Джефферсона (1890–1965) и Норвелла Гарди (1892–1957). (См. также «Не узнали?»)

5

Калвер-Сити — город, примыкающий к Голливуду.

6

Кларк Гейбл (1901–1960) – знаменитый американский актер, эталон мужественности и романтизма. Наиболее известные роли – Ретт Батлер в «Унесенных ветром» и лейтенант Флетчер Кристиан в «Мятеже на „Баунти“» (см. выше).

7

Спенсер Трейси (1900–1967) – знаменитый американский актер; поначалу играл преимущественно гангстеров – до главной роли в первом американском фильме Фрица Ланга «Ярость» (1936). Дважды лауреат «Оскара» за роли в фильмах «Отважные капитаны» (1937) и «Город мальчиков» (1938).

8

...на страже наших границ теперь не стоит Пол Ревир... – Пол Ревир(1735–1818) – легендарный герой американской Войны за независимость; увидел выдвижение английских войск и вовремя об этом предупредил американцев, проскакав из Чарлстауна в Лексингтон. Ему посвящено стихотворение Г. Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».

9

Граучо Маркс – один из братьев Маркс, известных американских артистов эстрады и кино, которые выступали под сценическими именами Чико (1887–1961), Гарпо (1888–1964), Граучо (1890–1977), Гаммо (1892–1977) и Зеппо (1901–1979).

10

Моррисовское кресло — большое кресло с откидывающейся спинкой и снимающимися подушками; названо по имени выдающегося английского дизайнера, художника-прерафаэлиты и писателя Уильяма Морриса (1834–1896).

11

Духи «Бен Гур», двадцать пятого года, появились одновременно с фильмом! – Вторая (2,5-часовая) экранизация эпического романа Лью Уоллеса (1880), режиссеры Дж. Дж. Кон, Ф. Нибло, Ч. Брабин, Р. Ингрэм. Первую (15-минутную) снял в 1907 году С. Олкотт, третью (3,5-часовую, получившую премию «Оскар») – в 1959 году У. Уайлер.

12

Рядимся в генерала Макартура, сходим на берег в далекой стране и возвещаем: «Я вернулся!» — Дуглас Макартур (1880–1964) – генерал армии США. В 1942 г. был назначен главнокомандующим вооруженными силами союзников в юго-восточной части Тихоокеанского региона; после капитуляции Японии – главнокомандующий американскими оккупационными силами. В 1944 г., перед отправкой в Австралию, заявил: «Я прорвался; я еще вернусь!»

13

У. К. Филдз (Уильям Клод Дюкенфилд, 1880–1946) – знаменитый американский актер-комик.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/vozhdenie-vslepuyu-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)